

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

«ЖИВА ЛИ ТЫ ЕЩЕ?..»

(ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКОГО К А. А. ВОЕЙКОВОЙ)
(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © С. В. БЕРЕЗКИНОЙ;
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © Н. Л. ДМИТРИЕВОЙ)

Особое место в эпистолярном наследии Жуковского занимают его письма к Александре Андреевне Воейковой (1795—1829, урожд. Протасова), нежно любимой племяннице и другу. Здоровье Воейковой по-особому заботило Жуковского, поскольку вся жизнь ее была омрачена тяжкими обстоятельствами неудачного брака с А. Ф. Воейковым (1778 или 1779—1839).¹ В 1827 году у нее обнаружили признаки туберкулеза, и в августе она выехала для лечения в Европу. О заграничной жизни Воейковой, вплоть до ее смерти в Пизе 14 (26) февраля 1829 года, а также о переписке за этот период с близкими, в частности с Жуковским, подробно рассказывалось в книге Н. В. Соловьева.² Значительным дополнением к представлениям о контактах Жуковского с ней в это время служат публикации К. К. Зейдлица и М. Л. Гофмана.³

Последний раз Жуковский виделся с Воейковой в Берлине в сентябре 1827 года,⁴ после чего она, вместе со всеми своими четырьмя детьми, отправилась на юг Франции, в Прованс. Видимо, при расставании они условились об интенсивной переписке, которая должна была скрасить положение больной. Переписка была затруднена, поскольку на доставку послания только в одну сторону уходило около тридцати дней. В письмах Жуковский сообщал новости из жизни не только приятельского круга, но и придворного (а с ним Воейкова была хорошо знакома), посылал ей свои стихи и книжные новинки. Письма как Жуковского, так и Воейковой пересылались для ознакомления узкому кругу друзей (главным образом, В. А. Перовскому и гр. П. В. Толстой), поэтому многие из них затерялись. Отголоски сведений о заграничной жизни Воейковой из ее несохранившихся писем звучат во многих письмах Жуковского к А. И. Тургеневу.

За период заграничного путешествия Воейковой сохранилось пятнадцать писем к ней Жуковского. Двенадцать из них известны лишь по копиям Александры Александровны Воейковой (1817—1893), дочери Светланы,⁵ по которым они и были напечатаны Н. В. Соловьевым.⁶ Там, где Александра Александровна Воейко-

¹ Из новейших работ, освещающих трагическую историю этого брака, причем с момента появления А. Ф. Воейкова в кругу семейства Протасовых в 1813 году, см.: *Березкина С. В.* Письма Жуковского к Воейкову второй половины 1814 г. // *Жуковский: Материалы и исследования.* Томск, 2016. Т. 3 (в печати); «Разлука не развод...»: Из неизданной переписки В. А. Жуковского и А. Ф. Воейкова 1823 г. / Вступ. статья С. В. Березкиной; Комм. и подг. текста А. Ю. Балакина и С. В. Березкиной // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год.* СПб., 2016 (в печати).

² *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1916. Т. 1. С. 149—259; Т. 2. С. 62—74.

³ *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852: По неизвестным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883. С. 145—150; *Гофман М. Л.* Жуковский в семье Протасовых и Воейковых // *На чужой стороне.* Берлин; Прага, 1925. Т. 9. С. 248—249.

⁴ См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 293, 295—296.

⁵ ИРЛИ. № 22737.

⁶ Ссылку на копии этих писем как источник публикации см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни... Т. 2. С. 62.

ва оставляла на месте не разобранных ею, чаще всего французских слов пробелы — в соответствии с их объемом, иногда на несколько слов — в его публикации также ставился пробел, но, к сожалению, не всегда: он опускался публикатором, если оказывался между двумя законченными фразами. Перекочевали в публикацию Соловьева и другие погрешности копий, такие, например, как неверные даты и объединение разных писем в один эпистолярный текст (с утратой даты второго, оказавшегося присоединенным, письма).

Особая часть этой переписки — три последних, на французском языке, письма Жуковского к Воейковой, сохранившихся в подлинниках.⁷ Это были послания, в которых Жуковский прощался со своей любимой Сашей: первое получить она не успела, а два последующих адресовались уже умершей женщине... Из трех писем лишь первое было напечатано полностью (для настоящей публикации мы провели сверку с подлинником, уточнив его текст и перевод, сделанный Зейдлицем); два же следующие, как во французском оригинале, так и в переводе, никогда не печатались полностью (отрывочные их переводы, печатавшиеся ранее, нами пересмотрены и дополнены). Не публиковались они и в изданиях писем Жуковского. Более того, отсутствие републикации этих писем в каком-либо из изданий привело к расхождениям в исследовательских работах, когда в качестве прощального письма поэта к Светлане называлось то одно из них, то другое. Именно поэтому в подготовленную нами публикацию мы включили все три письма, разъясняющие настроение болезненной тревоги, в которой пребывал (в течение целого месяца!) не имевший известий от Воейковой Жуковский. Они передают душевные метания поэта, когда он, благословив ее в письме от 4 (16) февраля 1829 года как некоего ангела отправляться без страха и печали туда, где ее «ждут» (т. е. на небеса), потом, по-видимому, решил несколько смягчить свой порыв и начал другое письмо, от 19 февраля (3 марта) 1829 года, в котором пытался предостеречь ее от мысли о не-

⁷ Дошедшие до нас письма В. А. Жуковского свидетельствуют о том, что в существовавшем в России первой половины XIX века русско-французском эпистолярном обиходе он отдавал предпочтение русскому языку. Даже корреспондентам-женщинам, которым по правилам эпистолярного этикета полагалось писать по-французски (Пушкин, например, соблюдал это правило, делая исключение для своей жены, ее матери, а также женщин-писательниц, например, Н. А. Дуровой, А. О. Ишимовой), Жуковский писал по-русски (для него естественным исключением был лишь круг, во-первых, императорской семьи, а во-вторых, придворный). По-русски, с незначительными французскими вставками, писал он и А. А. Воейковой. Тем удивительнее, казалось бы, его обращение к французскому языку в прощальных письмах к «милый Саше». Помимо существовавших правил, как кому писать и на каком языке, для русских билингвов существовала некая внутренняя потребность в выборе того или иного языка. Так, например, для Пушкина французский язык оказывался востребованным, когда возникали сложности или неприятности (например, в его двуязычной переписке с А. Х. Бенкендорфом). При том, что пушкинские французские письма на лексическом уровне более «чувствительны», самые его открытые и откровенные письма написаны на русском языке (подробнее см.: *Дмитриева Е. Е.* О некоторых вопросах билингвизма пушкинского письма и пушкинского эпистолярия // *Мультилингвизм и генезис текста: Материалы международного симпозиума.* М., 2010. С. 71—75; *Дмитриева Н. Л.* Особенности французско-русского двуязычия на примере писем Пушкина // *Россия и Франция: диалог культур.* Тверь, 2015. С. 82—99). Писать к умирающему близкому человеку, как в случае с прощальными обращениями Жуковского к Воейковой, — непростая задача, требующая нужных слов и нужного тона. Предпочтение могло быть отдано французскому языку как более нейтральному, к тому же позволяющему быть более сдержанным. За языком, «коего механические формы уже готовы и всем известны» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 34), была возможность «укрыться», сказав при этом все, что положено, но не раскрывая души до конца. Некоторая «отстраненность» проистекает из необходимости употребления местоимения «вы» в обращении к адресату (даже если в русскоязычной традиции корреспондент был с адресатом на «ты»); это обязательное требование этикета написания французских писем в России. При переводе на русский язык вместо обращения на «вы» дается «ты», поскольку известно, что Жуковский именно так обращался к Воейковой. Следует, однако, заметить, что непосредственное чувство пробивается само собой, и в третьем (последнем) письме он неоднократно сбивается на местоимение единственного числа «tu» (ты). Французский язык — на фоне обычно применявшегося Жуковским русского языка — подчеркивает в этих письмах трагизм ситуации (*прим. Н. Л. Дмитриевой*).

избежности перехода в мир иной (эти письма получил в Италии Зейдлиц и затем привез в Россию). Наконец, 2 (14) марта 1829 года Жуковский пишет третье письмо, с извинением за предыдущие, которые, как он справедливо полагал, могли взволновать больную (а она до самых последних дней пребывала в надежде на выздоровление), и с какими-то петербургскими новостями, приоткрывающими, что у него самого, в тот момент, еще теплилась надежда. Письмо это Жуковский не отправил (оно сохранилось в его бумагах), а вскоре, 9 марта, до него дошла, наконец, и весть о смерти Воейковой. Напряженный сюжет внутренних переживаний Жуковского и его убежденность в благодности того небесного мира, который ожидал Воейкову, объединяют три его французских письма, вызванных ее близящейся кончиной.

1

4 (16) февраля 1829 года

J'ai lu votre lettre à Peroffsky. Je ne me fais plus d'illusion — il faut vous perdre; je ne sais pas même à qui j'écris, existez-vous encore? Lirez-vous cette lettre? Je ne demande à Dieu que de vous donner assez de vie pour pouvoir la lire. Ce n'est pas pour vous attendrir, ni pour vous troubler par ma douleur, que je vous écris dans un pareil moment: je sais, que la mort ne peut avoir rien d'effrayant pour vous! Est-il si difficile de devenir un ange, d'accepter la tranquillité de l'autre vie, d'abandonner la peur de celle-ci? Votre vie a été pure! Partez pour votre destination! Je vous bénis! Je sais, que vous êtes tranquille et sereine. Je veux seulement calmer vos derniers moments, par rapport à ce qui restera de vous dans ce monde. Ne vous inquiétez par sur le sort de vos enfants. Nous les adoptons — moi, Peroffsky et Pauline. L'Impératrice est là — confiez vous à son âme. Catherine et Alexandrine, je l'espère, pourront demeurer près de moi. Je tâcherai de trouver une personne de confiance qui pourra veiller sur elles. Pauline d'abord pourra prendre soin de Marie. André doit rester à Genève; il est très bien là, ou il est, il sera loin de l'influence de son père; et après avoir fini ses études préliminaires il reviendra, et j'en prendrai soin. Soyez tranquille, mon amie; ne vous troublez pas en acceptant ce que Dieu ordonne. La providence représentera pour vos enfants l'âme de leur mère; elle leur payera votre vie si pure, si innocente, si éprouvée. Quant à nous, ne vous troublez pas par notre douleur — il faut passer par là! Mais vous serez vivante pour nous dans notre attachement pour vos enfants, dans les soins que nous en prendrons. Je vous bénis, résigné à vous perdre. Si pourtant Dieu dans sa bonté en a décidé autrement que cette lettre soit pour vous comme un testament fait d'avance.

Я прочел твое письмо к Перовскому.¹ Я не питаю никаких иллюзий — нам должно лишиться тебя; я даже не знаю, кому я пишу, жива ли еще ты? Прочтешь ли ты это письмо? Я прошу Бога только о том, чтоб Он сохранил тебе довольно сил, чтобы прочесть это письмо. Не для того, чтобы разжалобить или потревожить тебя моею печалью, пишу я в такую минуту: я знаю, что в смерти нет для тебя ничего страшного! Неужели так трудно стать ангелом, принять спокойствие иной жизни, покинуть страх жизни здешней? Твоя жизнь была чиста! Ступай туда, где тебя ждут! Я благословляю тебя! Я знаю, что ты спокойна и светла. Я хочу только успокоить твои последние минуты известием о том, что останется от тебя в этом мире. Не беспокойся об участии твоих детей. Мы их усыновляем — я, Перовский и Полина.² Государыня не забудет их — положишься на ее сердце.³ Катя и Саша, надеюсь, могут жить со мною.⁴ Я постараюсь найти надежную особу, которая могла бы наблюдать за ними. Полина может взять на себя заботы о Маше.⁵ Андрюша должен

остаться в Женеве; он очень хорошо пристроен там, где он находится, и будет устранен от отцовского влияния; окончив свое первоначальное обучение, он возвратится, и я позабочусь о нем.⁶ Будь покойна, мой друг; не тревожься, принимая то, что Бог велит. Провидение заменит для твоих детей душу матери; оно вознаградит их за твою жизнь, столь чистую, невинную и полную испытаний. О нас и нашей горести не беспокойся — перенести ее необходимо! Но ты будешь жить для нас в привязанности нашей к твоим детям, в заботах наших о них. Я благословляю тебя, покоряясь необходимости потерять тебя. Если же Бог в Своей благодати судил иначе, да послужит тебе это письмо завещанием, сделанным заблаговременно.

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 91. Л. 1—1 об. Напечатано: *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. С. 146.

По-видимому, было послано с письмом к Зейдлицу (он находился при больной в Италии) от 4 (16) февраля 1829 года, которое Жуковский так же, как и письмо к Воейковой, начал с сообщения о своем знакомстве с ее письмом к Перовскому от 11 (23) января 1829 года. Письма к Воейковой и к Зейдлицу близки и содержательно, и эмоционально.

В дополнение к трем прощальным письмам, адресованным Воейковой из Петербурга в феврале — начале марта 1829 года, Жуковским, возможно, было написано еще одно, совместно с гр. П. В. Толстой, которое упомянул М. Л. Гофман (см.: *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926. С. 69 (№ 243)). Письмо это до нас не дошло (от него сохранился лишь крошечный женский конвертик, с надписью рукой Жуковского, см.: «Жизнь и Поэзия одно...»: В. А. Жуковский: Изобразительные и документальные материалы из собраний Пушкинского Дома. СПб., 2013. С. 153). По мнению Соловьева, в этих письмах Жуковский говорил Светлане о том, что «скрывали от нее другие, меньше знавшие ее душу» (*Соловьев Н. В.* История одной жизни... Т. 1. С. 245).

«Никогда, даже говоря о своем близком конце, — писал Зейдлиц Жуковскому 15 (27) марта 1829 года, — она не беспокоилась о судьбе своих детей. Мысль, что их воспитание будет ведено кем-нибудь другим, а не вами, никогда даже не возникала в ее душе» (Там же. С. 257). Во всех письмах Жуковского, связанных с Воейковой и написанных как в последние дни ее жизни, так и после смерти, красной нитью проходит мысль о необходимости изолировать детей от их отца, А. Ф. Воейкова. В качестве «усыновителей» (слово употреблено в фигуральном смысле, поскольку законных оснований для усыновления не было) Жуковский называет в письме от 4 (16) февраля 1829 года себя, В. А. Перовского и гр. П. В. Толстую. Предположения о том, что старшие девочки (четырнадцатилетняя Катя и двенадцатилетняя Саша) могут жить у него, а младшая (трехлетняя Маша) — у Толстой, были, конечно же, утопичны. Обдумывая будущее сирот, он наметил общую стратегию их образования и материального обеспечения, исходя из возможностей, во-первых, своих, а во-вторых — рассчитывая на помощь императрицы. Жуковский обеспечил сестер Воейковых вкладами в банке, предназначил им, по завещанию 1837 года, доходы от аренды, наконец, сделал их наследницами своей недвижимости, которую впоследствии продал, разделив между ними деньги (см.: *Мисайлиди Л. Е.* Завещание В. А. Жуковского 1831 г. // Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5. С. 111).

В работах, упоминающих о материальном обеспечении Жуковским дочерей его любимой племянницы, нет указаний на заботы такого рода со стороны их отца, А. Ф. Воейкова. А между тем, если верить его письмам к Жуковскому (начиная с 9 ноября 1829 года), участие в этом он принимал (см., например, сообщение в недатированном письме о том, что с него «вычитают», скорее всего из денег за залог имени во Владимирской губернии, «6 т(ысяч) для детей»: ИРЛИ. № 27966. Л. 24). Вскоре, однако, Воейков от этого устранился, и в канун своей смерти он волновался лишь о четырех детях от второй жены, считая, что дети от первой жены полностью обеспечены Жуковским (Русский архив. 1905. № 4. С. 685—686).

В своих последних письмах к Воейковой Жуковский старался уверить ее в благополучном будущем детей. Вероятнее всего, он не сомневался в нем, однако действительность оказалась намного драматичнее. Напряженные занятия Жуковского с цесаревичем, отнимавшие у него время и силы, а также глубокие перемены в недрах всего бунинско-протасовского семейства стали причиной того, что дети Саши Воейковой не нашли в нем по-настоящему родственной любви. Сам Жуковский впоследствии, уже на закате своей жизни, горько сожалел о недостатке внимания со стороны ее дочерей, поскольку их отношение к нему было далеко от той тончайшей сердечности, которая была характерна для былого семейного гнезда.

¹ Генерал-майор Василий Алексеевич Перовский (1795—1857) был преданным другом Воейковой. Ее письмо к нему от 11 (23) января 1829 года стало для Жуковского неожиданностью, поскольку он еще не получил письмо Воейковой от 12 (24) января 1828 года, в котором она признавалась, что уже не встает (*Соловьев Н. В.* История одной жизни... Т. 1. С. 243).

С этого момента Жуковский начинает действовать, рассылая разным лицам письма и обдумывая будущность детей Воейковой.

² 12 февраля 1829 года, за два дня до смерти Воейковой, В. А. Перовский отправился из Петербурга за границу для излечения от раны, полученной в сражении с турками под Варной. По приезде в Пизу, он помог Зейдлицу доставкой двух экипажей для переезда сирот в Россию. Перовский, наряду с Жуковским, участвовал в создании того «капитала», который был положен в Коммерческий банк на имя сестер Воейковых. Впоследствии Перовский упоминался в связи с ними в своеобразном контексте. Так, А. П. Елагина писала Жуковскому 4 июля 1842 года: «Надобно Воейковым найти женихов, девушки милые, созданные для украшения света и совсем не на месте в глухом Бунине. Если к вам приедет Перовский, поговорите с ним, как бы им лучше устроить судьбу» (Письма В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813—1852 / Сост., подг. текста, статья и комм. Э. М. Жилияковой. М., 2009. С. 498; в 1844 году Александра и Мария Воейковы — Екатерина к тому моменту уже умерла — стали фрейлинами высочайшего двора). Елагина принимала участие в Воейковых и сочувствовала им в том отчуждении, которое со временем все больше и больше отдаляло их от И. Ф. Мойера, мужа умершей в 1823 году Марии Андреевны Мойер, урожд. Протасовой, сестры Александры Андреевны. Фигура Мойера была немаловажной для судеб Воейковых, поскольку после смерти в 1839 году отца, Александра Федоровича, он стал их опекуном, вместе с И. Ф. Воейковым, их родным дядей. Представления Мойера о должном воспитании своей дочери, Екатерины Ивановны (в замужестве Елагиной; 1820—1890), расходились с тем, что привносили в ее окружение дочери Александры Андреевны, воспитанные в привилегированном петербургском институте. 6 февраля 1844 года Елагина писала о них Жуковскому: «Сиротство их невообразимо горько, и чем легче они сами, тем тяжелее за них» (Там же. С. 516). Об участии гр. П. В. Толстой (Полины) в судьбе дочерей Воейковой см. ниже.

³ Катя и Саша Воейковы были приняты в Екатерининский институт на счет императрицы Александры Федоровны. Туда же поступила впоследствии и подросток Маша Воейкова.

⁴ О своем желании оставить у себя Катю и Сашу и препятствиях к его осуществлению Жуковский писал во многих письмах, в частности, к Елагиной 16 апреля 1829 года: «Сначала я мечтал поселить их у себя; но это невозможно; и теперь уже Катя по росту своему кажется совершенною, а через три года она войдет и в совершеннолетие — как ей жить у меня» (Там же. С. 332).

⁵ У графини Прасковьи Васильевны Толстой (1796—1879, урожд. Барыкова), Катя и Саша Воейковы жили до поступления в институт летом 1829 года; побывала у нее, но ранее старших сестер, и младшая Маша, которую затем взяла к себе бабушка, Е. А. Протасова. Впоследствии Толстая поддерживала тесную связь с Воейковыми, которые, по-видимому, часто гостили у нее; особенно близка она была с Александрой Александровной Воейковой.

⁶ В 1828 году Андрюша Воейков, в возрасте шести лет, был оставлен матерью в Женеве в пансионе Прива (см.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 13—14 (по указ.)). Жуковский следил за ним, получая известия как от содержателя пансиона, так и от других своих знакомых. В ноябре 1832 года он встретился в Женеве с мальчиком и с сожалением отметил в нем, при «развитии телесном», «сон ума и чувства», т. е. слабоумие (см.: Там же. Т. 13. С. 339—340). Считается, что это стало следствием скарлатины, перенесенной им за границей в 1828 году (хотя в особенностях поведения сына, отразившихся уже в письмах Воейковой, обнаруживается характерный признак врожденного заболевания — неуправляемость, весьма не обычная для дворянской среды). В 1833 году Жуковский забрал Андрюшу из пансиона и перевез в Дерпт к Е. А. Протасовой. В 1841 году девятнадцатилетний Андрей, по-видимому, став ей и И. Ф. Мойеру в тягость, был отдан дяде, И. Ф. Воейкову. Просьбы Жуковского о том, чтобы сын Саши жил в орловском имении Бунино, рядом с Протасовой и Мойером, были проигнорированы. Протасова и Мойер смотрели сквозь пальцы на то, как дядя обирал племянника, поскольку избавлялись от необходимости жить с ним в одном доме. Следует отметить, что сын Саши не вызывал сочувствия и у других родственников (например, у Елагиной), по-видимому, из-за каких-то особенностей своего нравственного облика. При этом надо иметь в виду, что положение Андрея не было беспомощно-болезненным до такой степени, чтобы оградить от оценок его жизненное (по некоторым сведениям, развратное) поведение. В 1846 году он был признан недееспособным, а его опекуном стал И. Ф. Воейков; умер он в 1866 году. То, что Андрюша Воейков был оставлен в 1828 году в Женеве, было трагической ошибкой, самым негативным образом сказавшейся на всем его развитии; но, по-видимому, Воейкова и Жуковский в 1829 году опасались особого отношения к нему со стороны А. Ф. Воейкова, подозревавшего, что он был сыном А. И. Тургенева.

2

19 февраля (3 марта) 1829 года

Alexandrine, mon ange! Peut-être vous êtes déjà mon ange sous tous les rapports. Vos lettres m'ont oté tout l'espoir de vous jamais revoir dans ce monde. Ce que j'ai lu dans les lettres de la comtesse de Maistre m'affirme dans cette douloureuse idée. Pourquoi me ménagez-vous! Pourquoi ne me parlez-vous pas sur vos enfants! Cela vous serait doux, mon amie. Ce n'est que ma figure qui vous manquera dans ces instants, que vous pouvez envisager avec tant de sécurité, avec tant d'espérance en Dieu! Mon âme est près de vous. Lorsque vous lirez cette lettre — si vous la lisez — Peroffsky aura déjà été avec vous. Il a été mon représentant. Mais ne me ménagez pas. C'est un besoin pour moi que de vous entendre et de recevoir vos vœux. Je suis sûr que je ne vous reverrai plus. Un miracle peut arriver, tout est possible. Mais d'après tout je dois me dire que notre séparation durera plus que nous n'avons pensé. Donc cet intervalle doit porter d'ici à notre réunion, il faut nous astreindre, il faut que celui qui reste reçoive les vœux de celui qui s'en va. Parlez-moi de vous sans vous troubler; pouvez-vous vous inquiéter de quelque chose pour votre avenir? Dans votre passage à une vie si digne de vous il y a quelque chose de si pur: je ne veux pas penser à ma perte, je ne pense qu'à ce qui vous arrive! Et ce qui vous arrive est si divin! Oserai-je y mêler quelque chose de mien. Vous me donniez, en partant, à vos enfants! C'est sur eux qu'il faut transporter tout ce qu'il y avait dans mon cœur pour vous. Je le ferai. Occupez-vous d'eux, sans aucune inquiétude. Vous avez aussi une amie dans l'Impératrice, écrivez aussi à elle. Tout cela vous tranquillisera sur ce qui reste ici. Tout peut encore changer: sans avoir aucune espérance, je n'abandonne pas encore l'idée que par quelque miracle vous pourriez nous rester. Pendant tout ce temps vous m'êtes continuellement présente.

Il me semble, que tout cela m'arrive à moi-même, et que c'est moi qui dois me préparer à faire ce passage dans un monde mystérieux. Il y a quelque chose de solennel dans cette attente: c'est à présent que je commence à faire une connaissance plus intime avec la vie à venir! Ce qu'il y a de plus cher y passe. Est ce que vous m'abandonnez? Non, vous devenez pour moi un lien sensible entre ce monde et l'autre; vous me donnez une obligation sacrée de vous rester plus fidèle dans celui-ci; et cette fidélité sera dans mon attachement à vos enfants. Je demande à Dieu de permettre que cette lettre vous trouve encore. Je suis sur qu'il vous sera doux de la lire, qu'elle vous calmera, si vous avez besoin d'être calmée. Vous y verrez de quelle manière j'envisage mon malheur: j'y trouve une religion de cœur! Je trouve dans vous un prédicateur persuasif qui me dit tout, et sur cette vie et sur l'autre. Je suis sur que rien dans ma lettre ne pourra vous troubler — votre ame est faite pour accepter avec sérénité le bonheur de passer dans le sein de Dieu. En me parlant sur vos enfants, vous vous calmez sur le seul objet qui peut encore vous inquiéter. Mais la vie de leur mère sera leur ange tutélaire. Écrivez quelques lignes à l'Impératrice. Mais mon amie après avoir fait tous ces préparatifs si nécessaires à votre cœur n'allez pas croire que vous est destiné inévitablement à nous quitter — que cette idée ne s'empare pas de vous: non! Tant que vous êtes là, vous pouvez encore rester! Faites tout pour vous conserver. C'est votre devoir le plus sacré et je compte sur vous. Je vous bénis de tout mon cœur et je vous confie à la garde de la Providence.

Саша, ангел мой, может быть ты уже стала моим ангелом во всех отношениях. Твои письма лишили меня всякой надежды увидеть тебя в этом мире. То, что я прочитал в письмах графини де Местр,¹ подтверждает мои горестные мысли. Зачем ты щадишь меня! Почему ты мне не говоришь о своих детях! Тебе было бы покойней, друг мой. Ты не видишь меня теперь, но будь спокойна и уповай на Господа. Душой я рядом с тобой. Когда ты прочтешь это письмо — если ты его прочтешь — Перовский уже будет рядом с тобой.² Он представляет меня. Но не щади меня.

Мне необходимо выслушать тебя, узнать твои желания. Я уверен, что не увижу тебя больше. Чудо может свершиться, все возможно. Но, скорее всего, должен признать себе, что наша разлука продлится дольше, чем мы думали. Стало быть, она будет продолжаться до нашей встречи, мы должны смириться, нужно, чтобы тот, кто остается, выслушал волю того, кто уходит. Пиши мне о себе без тревоги: разве ты можешь тревожиться о своем будущем? В твоём переходе в жизнь, столь достойную тебя, есть что-то чистое: я не могу думать о моей потере, я думаю только о том, что творится с тобою! А это так божественно! Стану ли я тут примешивать что-нибудь свое. Отъезжая, ты поручила мне своих детей. На них я и должен перенести всю любовь, которая была в моем сердце к тебе. И я это сделаю. Думай о них и не тревожься нисколько. У тебя еще друг в Государыне, напиши и ей. Всё это успокоит тебя в отношении того, что остается здесь. Все еще может измениться: не имея никакой надежды, я не могу отказаться от мысли, что каким-то чудом ты можешь остаться. Все это время ты со мной.

Мне кажется, что всё это происходит со мною самим и что я должен готовиться перейти в этот таинственный мир. Есть что-то торжественное в этом ожидании: теперь только я ближе постигаю жизнь будущего. Что всего дороже, всё уходит туда. Разве ты покидаешь меня? Нет, ты становишься для меня осязательным звеном между здешним миром и тем; ты налагаешь на меня священный обет остаться верным тебе в этом мире, и эта верность будет заключаться в моей привязанности к твоим детям. Молю Бога, да позволит Он, чтобы это письмо еще застало тебя. Я уверен, что тебе отрадно будет прочесть его и что оно успокоит тебя, если только успокоение тебе нужно. Ты увидишь из письма, как я смотрю на твою горе, я нахожусь в нем сердечную религию! Я вижу в тебе убедительного проповедника, который говорит мне всё о здешней жизни и об иной. Я знаю, что в моем письме ничто не встревожит тебя — твоя душа сотворена для того, чтобы с полной ясностью встретить переход в лоно Божие. Говоря мне о детях, ты успокоишь себя насчет дела, которое одно может тебя беспокоить. Но жизнь их матери будет их ангелом-хранителем. Напиши несколько строк Государыне. Но, друг мой, подготовившись всем сердцем, не считай, что тебе неизбежно предназначено покинуть нас — не позволяй этой мысли овладеть тобой, не надо! Пока ты здесь, ты можешь остаться. Береги себя. Это твой священный долг, и я надеюсь на тебя. Благословляю тебя всем сердцем, да хранит тебя Провидение.

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 91. Л. 2—3. Напечатано: *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. С. 147—148 (с пропусками).

Основанием датировки является помета рукой П. А. Висковатова на автографе: «19 février» (по-видимому, ст. ст.).

¹ Письма графини Софьи Ивановны де Местр (1778—1851, урожд. Загряжская) к Жуковскому в печати не известны. С нею и с ее супругом, графом Ксавье де Местром (1763—1852), Воейкова встретила в Пизе осенью 1828 года.

² В. А. Перовский приехал в Пизу через несколько дней после похорон Воейковой.

3

2 (14) марта 1824 года

Mon amie, ta dernière lettre m'a tant soit peu tranquillisée sur ton compte; il paraît d'après cette lettre qu'il y a un certain mieux dans ta santé: mais ce *mieux* est une faible consolation. Mon cœur est à l'agonie; il n'a rien à quoi se cramponner dans son angoisse. J'ai encore une autre crainte! Si ma dernière lettre, écrite dans un moment de trouble vous a bouleversée! Cela ne devrait pas pourtant être. J'ai pensé au contraire que j'allégerais pour vous un grand poids en vous parlant ouvertement; il vous doit

être pénible de garder tout sur votre cœur par trop de ménagement pour nous. Cela ne peut pas vous faire du mal. Dieu est toujours avec vous; il vous conservera si telle est sa bonté. Mais en parlant sur vous mettez pour vous même en ordre vos intérêts les plus chers. J'ai confiance dans votre âme si innocente, si pure, si prête à tout: elle ne sera jamais troublée par des choses qui ne peuvent que l'agrandir. En regardant derrière vous, vous ne trouverez pour le moment présent que des consolations. L'avenir ne peut pas vous effrayer. Je commence pourtant à espérer d'après ta dernière lettre. Ces bains, que Seidlitz veut employer, peuvent te soulager. Que Dieu bénisse ce remède! — Vous recevrez cette lettre au moment où Peroffsky aura déjà été chez vous. Sa présence près de vous a été aussi la mienne. Vous pouvez penser comme j'ai porté envie à Peroffsky. Le devoir me cloue à ma place: c'est un sacrifice énorme, que j'ai dû lui faire. L'impossibilité de venir vous soulager a brisé mon âme. Peroffsky est notre bon ange. Avec quelle angoisse j'attends ses lettres. — Je suis maintenant de nouveau seul. Anette Sontag est partie. Elle a passé 4 jours à Dorpat et m'a apporté de bonnes nouvelles sur la santé de maman. — Dans votre dernière lettre vous me faites des reproches sur le retard de la lettre de Tolstoy — ce n'est pas ma faute. Je lui ai fait parvenir la vôtre sans délai et c'est lui qui a tardé de répondre. Je suis bien aise que l'argent est enfin arrivé: il m'a causé bien des angoisses, mais vous aussi vous n'auriez pas dû tant vous inquiéter: maintenant le banquier qui vous livrera l'argent a reçu l'autorisation de vous en fournir en cas de besoin. Ne vous en inquiétez plus, je vous prie, et chargez Seidlitz de toute la correspondance sur cet objet. Adieu, mon amie, je vous bénis, vous et vos enfants.

Le 2 mars

Мой друг, твое последнее письмо немного успокоило меня на твой счет;¹ из этого письма явствует, что твое здоровье лучше, но это *лучше* является слабым утешением. Мое сердце в агонии; ему, стесненному, не на что уповать. Я еще боюсь, что мое предыдущее письмо, писанное в смятении, тебя взволновало! Но этого не должно быть. Я, напротив, считал, что, говоря откровенно, я облегчаю твой тяжелый груз: это мучительно, всё хранить в себе, оберегая нас. Моя откровенность не принесет тебе зла. Бог всегда с тобой, Он сохранит тебя в своей благодати. Но говоря о себе, подумай о том, что тебе дороже всего. Я верю в твою душу, столь невинную, столь чистую, столь ко всему готовую: она никогда не смутится вещами, которые могут ее только возвысить. Оглянувшись сейчас в прошлое, ты найдешь в нем только утешение. Будущее не может тебя пугать. Однако ж у меня появилась надежда после твоего последнего письма. Эти ванны, которые Зейдлиц хочет попробовать,² могут принести тебе облегчение. Бог да благословит это лечебное средство. Ты получишь это письмо, когда Перовский будет уже с тобой.³ Его присутствие подле тебя — это и мое присутствие. Вообрази, как я завидую Перовскому. Обязанность держит меня на месте: я вынужден принести непомерную жертву. Невозможность приехать утешить тебя разбила мне сердце. Перовский наш добрый ангел. С какой тревогой я жду его писем. — Я снова один. Аннетта Зонтаг уехала.⁴ Она провела 4 дня в Дерпте и принесла мне хорошие вести о здоровье матушки. — В последнем письме ты упрекаешь меня за задержку письма от Толстого.⁵ Это не моя вина. Я сразу же передал ему твое, это он задержался с ответом. Я очень рад, что деньги наконец дошли: я очень беспокоился, но тебе не следовало так волноваться: теперь банкир, который доставит тебе деньги, получил разрешение передать их тебе в случае надобности. Не волнуйся больше, прошу тебя, и поручи Зейдлицу заняться этим предметом.⁶ Прощай, мой друг, благословляю тебя и твоих детей.

2 марта

одно...»: В. А. Жуковский: Изобразительные и документальные материалы из собраний Пушкинского Дома. С. 72 (отрывок, в переводе).

¹ Судя по сообщениям ниже о гр. Ф. П. Толстом, Жуковский имеет в виду письмо Воейковой от 12 (24) января 1828 года, которое было, по-видимому, только что им получено, в нем, однако, не было ничего обнадеживающего о ее здоровье (см.: *Соловьев Н. В.* История одной жизни... Т. 1. С. 242—243); это письмо от Воейковой к нему, действительно, было последним.

² Письмо к Жуковскому Зейдлица, с сообщением о каких-то ваннах, в печати не известно. О лечении ваннами Воейкова упоминала в письме к Жуковскому от 25 декабря 1828 года (6 января 1829 года) (Там же. С. 242).

³ См. выше.

⁴ Речь идет об Анне Петровне Зонтаг (1785—1864, урожд. Юшкова), племяннице Жуковского, которая в феврале 1829 года, приезжала в Петербург по своим книгоиздательским делам. Ее «Повести для детей второго возраста» (Ч. 2) были подписаны в печать 25 января 1829 года. Упоминания о Зонтаг встречаются в переписке Жуковского с Елагиной этого времени (см.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 323—326).

⁵ Имеется в виду граф Федор Петрович Толстой (1783—1873), скульптор и медальер, с ноября 1828 года вице-президент Академии художеств, которому Воейкова отправила через Жуковского приглашение в Италию от имени В. И. Хлюстиной, намеревавшейся оплатить ему эту поездку (см. письмо Воейковой от 16 (28) ноября 1828 года — *Соловьев Н. В.* История одной жизни... Т. 1. С. 237—238). В письме от 12 (24) января 1829 года она выражала нетерпение относительно известий о нем (Там же. С. 243). Толстой, по-видимому, приглашение не принял и в 1829 году в Италию не приезжал.

⁶ Просьба все денежные дела перевести на Зейдлица содержалась в последнем письме Воейковой: «Это единственный способ мою голову успокоить. Пусть добрый Зейдлиц будет мой хранитель здоровья и factotum (управляющий. — С. Б.), а я буду на пенсии» (Там же. С. 242).

© О. А. Богданова

МИФ ДОСТОЕВСКОГО В ПОЭЗИИ Б. А. САДОВСКОГО И НАУЧНОЙ ПРОЗЕ В. Л. КОМАРОВИЧА*

На рубеже XIX—XX веков в русской культуре складывалось мифологизированное представление о ряде писателей, поэтов, художников, реализованное, в первую очередь, в известном цикле статей Д. С. Мережковского «Вечные спутники» (1888—1896).¹ Среди них — Ф. М. Достоевский, один из немногих русских в окружении римлян Марка Аврелия и Плиния Младшего, испанцев П. Кальдерона и М. Сервантеса, немца И. В. Гете, французов М. Монтеня и Г. Флобера, норвежца Г. Ибсена. Именно Мережковский сделал решающий вклад в создание мифа Достоевского, т. е. такого образа писателя, который «как бы заново сконструирован и понят»² по сравнению со своей современностью. Такой «образ-миф» в большой мере является самовыражением своего творца.³

Тот факт, что мифологизирующее сознание Серебряного века, помимо актуализации архаических («вечных») мифов, в изобилии создавало т. н. неомифы, впервые отметила З. Г. Минц;⁴ неомифами являлись не только сугубо авторские автобиографические мифы — плоды индивидуального творчества участников лите-

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

¹ Подробнее см.: *Приходько И. С.* «Вечные спутники» Мережковского (К проблеме мифологизации культуры) // Д. С. Мережковский: мысль и слово. М., 1999. С. 199.

² Там же.

³ См.: Там же. С. 200.

⁴ См.: *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 59—96.